

ИЕРОМОНАХ
ТИХОН
(БАРСУКОВ)

АРХИЕРЕЙ

КЛАССИКА РУССКОЙ
ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Иеромонах Тихон (Барсуков)
Архиерей
Серия «Классика русской духовной прозы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11630271
Архиерей/Тихон (Барсуков), иеромонах, Сост. Ю. Шигарова.: Никея; Москва; 2014
ISBN 978-5-91761-343-7

Аннотация

Желая приблизить архиерейское служение к духу Евангельского учения, главный герой книги совершает своего рода переворот в своей епархии. Он не зачитывает доклады, а проводит живые беседы со священниками, отказывается от архиерейских привилегий – кареты, швейцара. Он прост в обращении и принимает искреннее участие в жизни своих чад.

Книга написана на рубеже XIX–XX веков. В свое время она поддержала многих людей, помогла им обрести смысл жизни и утвердиться в вере. И сегодня, несмотря на внешнее различие эпох, она звучит не менее актуально.

Содержание

Предисловие	4
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иеромонах Тихон (Барсуков) Архиерей

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской
Православной Церкви ИС Р14-410-1053*

Предисловие Забывтый писатель

Услышав название этой книги, читатели, возможно, вспомнят об одноименном рассказе А. П. Чехова. Но это совсем другая повесть. Ее автор надежно и незаслуженно забыт, а сам феномен забвения достоин особого внимания: почему так случилось?

Возможный ответ мы найдем в тексте произведения, в исполненном огненного вдохновения монологе архиерея о «язве» – источнике болезней, смерти, ошибок, заблуждений и печального беспамятства в жизни людей. «Язва», будучи следствием грехопадения, сеет разрушение в человеческих умах и сердцах. Нельзя не вспомнить и слова А. С. Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны». Возможно, именно эта «язва» лени, равнодушия и явилась причиной забвения иеромонаха Тихона (Барсукова).

Главная тема повести – пастырство как творческое горение духа. Истинный пастырь, по мнению автора, не должен испытывать боязнь за дело Христово в мире, не должен сомневаться в достижимости христианского идеала. Желая приблизить архиерейское служение к духу евангельского учения, герой повести совершает своего рода «переворот» в своей епархии. Он не зачитывает «доклады», а проводит живые беседы со священниками, подчас затягивающиеся далеко за полночь. Он отказывается от архиерейских привилегий – кареты, швейцара... Он прост в обращении и принимает искреннее участие в жизни своих «детей». Владыка даже кладет конец миссионерским беседам со старообрядцами: «Идите же и спасайте людей. Сможете это сделать – значит, и у вас есть сила Божия и ваша иерархия благодатна. А тогда нам остается только подать друг другу руки, чтобы дружной взяться за совместную работу, за великое дело возрождения и обновления людей. Если не сможете и увидите спасающихся у нас, не упорствуйте: идите к нам...»

Многие из поучений главного героя повести хочется цитировать, обсуждать. Актуально звучат его рассуждения о пагубном превращении Таинств в «культ», веры – в «угождение» Богу, о естественных науках как «лепете деревенского ребенка о своей хате, который скептически относится к рассказам городского дяденьки и считает невозможным существование дворцов».

Время действия в книге – период между двух революций начала XX века. Именно тогда стали появляться новые проекты преобразования общества, в том числе атеистические. Говорилось о них и в литературе. Образы ночлежников в повести «Архиерей» напоминают героев пьесы М. Горького «На дне». Как будто в противовес идеям М. Горького, отвергавшего Евангелие ради мнимой правды «гордого» и «свободного» человека, иеромонах Тихон (Барсуков) вместе со своим героем призывает нищих, опустившихся бродяг вернуться ко Христу. Он убежден, что исцелить греховные язвы человечества могут только Иисус Христос и Его соратники, продолжатели апостольского служения.

Для Русской Церкви начало XX века было временем подготовки к Поместному Собору 1918 года, движения к литургическому возрождению. Вот почему так вдохновенно звучат слова владыки о Таинстве Святого Причащения: «Нужно только прийти к Нему. И приходя-

щего ко Мне не изгоню вон. Приходите еженедельно, ежедневно. Приходите без кощунства. Соединяйтесь со Христом теснее, так, чтобы Тело и Кровь Его вошли у вас во все ваши суставы, во утробу, в сердце; и мало-помалу у вас явятся силы творить добро. Идите дальше, и вы увидите, как легко делать то, что раньше вам казалось недостижимым, неосуществимым. Продолжайте дальше, и станете подобными апостолам. Еще дальше – и “больше сих узрите”».

Светлана Мартьянова

Глава первая

Отец Павел сидел на палубе парохода и пил... Стоявшая перед ним на столике бутылка водки была уже выпита почти до дна. Пил отец Павел без закуски, глотая рюмку за рюмкой, через более или менее значительные промежутки времени. Он пил с ожесточением и как бы подчеркивал свое времяпрепровождение: «Нате, мол, православные, любуйтесь на своего пастыря...» К православным отец Павел относил всех пароходных пассажиров, из которых многие начали уже опасливо поглядывать на батюшку и предусмотрительно отыскивали глазами капитана парохода. Некоторые маменьки брали на руки своих детишек, резвившихся на палубе, и под деликатным предлогом отводили их подальше от столика, за которым сидел батюшка. Отец Павел замечал отношение к себе публики, но не думал смириться, наоборот, всячески старался показать свое полнейшее к ней равнодушие. Особенно хотелось отцу Павлу выразить свое презрение одной духовной особе, спокойно гулявшей в числе прочих пассажиров по палубе и, видимо, любовавшейся картинами волжских берегов. Величавая осанка, уверенная поступь, красивые движения этой особы прямо-таки претили отцу Павлу. Лица того батюшки отец Павел не успел рассмотреть. Батюшка держался вдали и только раза два мельком вполуборот взглянул на отца Павла. «И чем только гордится человек, – подумал отец Павел, – ведь такой же священник, как и я, только что в городе, может быть, служит да казенного жалованья тысячи две получает. При такой жизни и мы сумеем пофорсить... Поставить бы тебя на мое место, посмотрел бы тогда я на тебя, а поди-ка: как будто архиерей какой». Отцу Павлу еще горше стало от этих дум. Досада на «величавого батюшку» разгоралась. Он схватил рюмку, залпом влил ее себе прямо в горло и по-мужицки сплюнул на пол так энергично, что и без того едва державшаяся на голове шляпа упала к ногам. Отец Павел и не подумал поднять ее, он грузно облокотился на столик локтями и осоловелыми глазами уставился на публику. В это время батюшка повернулся и тихою поступью направился в сторону отца Павла. Отцу Павлу почему-то показалось, что батюшка идет прямо к нему. Не поворачивая головы, он стал прислушиваться к приближающимся шагам батюшки, к тихому шелесту его шелковой рясы. Вот он уже совсем близко от него. Отцу Павлу захотелось сделать какую-нибудь неприятность этому батюшке, сказать какую-нибудь колкость, поставить его в неловкое положение.

– Отец! А отец! – обратился он к поравнявшемуся с ним батюшке и насмешливо уставился на него. – Не хочешь ли водочки?

Батюшка остановился, посмотрел на полупьяного отца Павла и улыбнулся.

– Спасибо, родимый, я не пью.

Взглянув затем на пол, батюшка наклонился, поднял валявшуюся шляпу отца Павла, бережно расправил ее и, положив на столик, сам сел рядом с отцом Павлом.

Отец Павел такого не ожидал. Он подумал, что чистенький батюшка ответит на его выходку презрительным взглядом и поскорей постарается пройти мимо него, а он – отец Павел – расхохочется ему вслед. Поступок батюшки обезоружил его. Отцу Павлу стало неловко. Мысль, что он оскорбил доброго человека, смутила его. Желая как-нибудь отделаться от чувства неловкости и сгладить резкость своей выходки, отец Павел счел за лучшее продолжать разговор, перейдя от насмешливого к развязному тону полупьяного человека.

– Ты откуда же будешь? – спросил он подсевшего к нему батюшку и исподлобья взглянул на него.

Батюшка поправил полу рясы, сел поудобнее и, повернувшись лицом к отцу Павлу, начал спокойным ровным голосом:

– Я – издалека... Еду вот и люблюсь матушкой Волгой. Какая у вас здесь благодать, какой простор. А жизни-то, жизни сколько, так и бьет ключом! Сколько народу, сколько това-

ров всяких, какое движение: одних пассажирских пароходов не пересчитаешь сколько. Да, когда вот своими глазами увидишь все, тогда только поймешь, почему наш народ прозвал Волгу поилицей и кормилицей, почему он так любит ее, поет о ней в своих песнях и грустит по ней, закинутый в чужую сторону. Действительно, великая река.

– Да, уж известно, – поддакнул отец Павел.

Родившись и выросши на берегах Волги, отец Павел любил свою родную реку и, как истинный волжанин, гордился ею. Похвала Волге чужестранца-батюшки понравилась ему. От прежней беспричинной досады на этого батюшку у него не осталось и следа, и он уже с большей охотой стал прислушиваться к его словам.

– Много богатства всякого здесь у вас, – продолжал между тем батюшка, – но много горя... много слез и нужды безысходной. Но это еще не велика нужда. Мне пришлось наблюдать жизнь одного народца на окраине нашего отечества. Живет он куда беднее многих наших крестьян. Ходит почти в лохмотьях, дома ест только ячменный или кукурузный хлеб, да и то не досыта, а как посмотришь на него – молодец к молодцу: все как на подбор. Стройная походка и такой гордый вид, словно не лохмотья он носит на себе, а по крайней мере генеральский мундир. Подумаешь, что нет у него ни горя, ни забот, и никакая нужда ему неведома. Так вот, не в бедности беда и не в горе. Беда в том, что не умеет наш русский народ бороться с горем, с бедой. Нагрянет на него беда, он или заставится от нее терпением и тут иной раз обнаружит действительно железное терпение, или взбунтуется, тоже уж без всяких границ, а чаще всего старается только отделаться как-нибудь от горя, заглушить его, заглушить, залить. Точь-в-точь вот как вы. Вас горе постигло, а вы, вместо того чтобы бороться с ним, раздосадовались и запили... и к одному горю хотите приложить еще и другое.

Отец Павел удивленно посмотрел на батюшку. «Откуда же он знает, что я пью с горя?» – мелькнуло у него в голове.

– А между тем, – батюшка положил свою руку на плечо отца Павла и шутливо постукал по нему, – посмотрите-ка, какая у вас мощь... экие широкие, богатырские плечи... да с такими силами не только свое горе, а еще и чужого сколько можно унести...

Чем-то бодрым пахнуло на отца Павла. С удовольствием вспомнил он, как крестьяне его села, его прихожане, говаривали про него, что супротив нашего батюшки во всем селе работника не найти.

– Вот еще черта русского характера, – как бы размышляя сам с собой, продолжал батюшка, – постигнет человека горе, и носится он с ним и уже ничего и знать не хочет, и не подумает о том, что у другого может быть еще большее горе. Любим мы своим горем застилать сердце и не замечаем, что, носясь со своим горем, мы другим горя подбавляем. Как вот вы, например.

– Кому же я-то горе доставляю? – с недоумением спросил отец Павел.

– Как – кому? Вот вы сидите и пьете, свое горе заливаете, а вот о том человеке, вероятно, и не подумали... Вон тот господин, что на том конце на скамеечке сидит. Сейчас мы проезжали село, там церковь показалась. Этот господин снял шапку и набожно перекрестился – есть, значит, у него еще в сердце вера в Бога. Ну а теперь скажите, не больно ли ему видеть пастыря церкви вот за таким занятием?

Отец Павел смущенно покосился на стоящую перед ним бутылку водки, а батюшка позвонил и велел пришедшему на звонок официанту убрать бутылку и рюмку. Отец Павел не протестовал и только, как бы оправдываясь уже, заговорил:

– Да ведь обида-то у меня большая, с горя и пью, это вы верно, отец, сказали.

– А вы расскажите-ка лучше свое горе, поделитесь со мной по-братски, может быть, оно и не таким тяжелым покажется. Высказанное горе – полгоря.

Отец Павел и сам уже давно почувствовал желание поведать свое горе «ласковому батюшке». К этому располагало доброе лицо батюшки и особенно его глаза – умные, серьез-

ные и как будто грустные, а между тем так и искрившиеся лаской и теплом. Такие люди спрашивают о чужом горе не из любопытства.

— Под суд я попал, — начал отец Павел, — повенчал без документов... Дело, видите ли, такое вышло — пришли ко мне парень с девушкой. Повенчай, мол, нас, батюшка, я сирота, и она сирота, на фабрике тут недалеко вместе работали... грех попутал, а хочется, чтобы по-законному, по-Божиему было, да вот беда — документов у нас нет. Она у тетки жила, сбежала, и паспорта нет, а у меня просроченный, отослал заменить, да по сей час чтой-то не высылают.

«Да как же вы так, — говорю, — без документов ведь никак нельзя повенчать».

«А что ж, батюшка, неужели лучше так жить, без закону?»

«А это, — говорю, — уж ваше дело. Идите, откуда пришли».

Стоят, не идут; невеста в слезы, жених в ноги мне повалился... Что тут делать? Жалко стало их. Отворил церковь, позвал их.

«Ну вот что, — говорю, — что вы совершеннолетние, я и сам вижу, а вы поклянитесь мне вот пред Господом Богом и пред Пречистым Его образом, что нет между вами никакого родства».

Поклялись. Взял я да и повенчал их. Живите, мол, Бог с вами... и за венчанье даже с них не взял, потому вижу, что действительно с них нечего взять. Ну а чтобы до начальства не дошло, я ни в метрику, ни в обыск не вписывал, а просто дал им на руки удостоверение в том, что они действительно состоят в законном браке. Так бы все и вышло, да вишь ты: приятели тут у меня завелись. Разбранился как-то раз с соседним батюшкой, а он возьми да и донеси на меня в консисторию. Ну, известно... судили... следствие было... и присудили меня в монастырь, значит, на покаяние. Пошел было к архиерею, думал, смилостивится. Куда там, даже не принял. Через келейника своего передал: «Скажи, мол, этому негодяю, чтобы он и на глаза мне не смел показываться». Вот и взяла меня обида. «Коли так, — говорю, — скажи архиерею, что не только в монастырь я не пойду, айв приход не вернусь. Пусть назначает на мое место кого угодно...» Повернулся и ушел. Так и бросил место. Хотел было частные занятия какие-нибудь найти, да кому нужен заштатный священник. В работники хотел идти — не принимают: неудобно, говорят, на спину человеку в рясе куль с мукой наваливать... Вот и маюсь я. Надумал в чужой епархии места поискать, авось найдется где-нибудь с доброй душой архиерей... войдет в положение. Еду вот к здешнему архиерею; добрый, говорят, да, видно, уж моя такая неудача: по пути узнаю, что его и дома-то нет. Перевели... и на место его ждут нового. Что, как пришлют какого-нибудь владыку-недотыку, и опять майся... а дома семья... скоро и зубы на полку придется класть. Ну как тут не запить?

— А знаете что, — сказал, оживляясь, батюшка, — я бы на вашем месте тоже так поступил. Не дело священника делать предбрачный обыск и свидетельствовать документы врачу-ющихся. От исправности документов не прибавится благодати Божией, равным образом как и неимение их не может послужить препятствием к получению благословения Божия. Брак был и в первые века христианства, когда и понятия не имели ни о метриках, ни о наших обычных брачных обыскных книгах. Другое дело, если бы вы повенчали несовершеннолетних. Это был бы грех великий, потому что вы священнодействие брака превратили бы в пустое призывание имени Божия. Благодати в Таинстве не было бы. Это все равно что молиться об исцелении от болезни уже умершего человека, то есть совершать Таинство елеосвящения над трупом. Венчая несовершеннолетних, вы нарушаете закон природы, по которому в брак могут вступать только лица, достигшие известного возраста, физической зрелости. А ведь закон природы, как и законы нравственные, тот же Закон Божий. Бог установил и те и другие. Понимаете, какая получается бессмыслица: с одной стороны, вы нарушаете Закон Божий, с другой стороны, просите Бога, чтобы Он дал благодать исполнить этот нарушенный закон. Конечно, благодати Божией не получается, и вместо Таинства совершается профанация его. И состоящих в родстве нельзя венчать, почему, это вы и сами знаете.

Итак, греха вы не сделали. Правда, за несоблюдение формальностей вас постигло наказание, но разве его нельзя было перенести, хотя бы ради той радости, которую вы доставили повенчанным. Поди, обрадовались... благодарили вас...

– Еще как! На днях еду на пароходе... пристань... Купить мне надо было кое-что из съестного. Сошел на пристани и протискиваюсь к торговкам. Слышу вдруг: «Здравствуйте, батюшка, не угодно ли яблочков, возьмите». – «Отчего, – говорю, – не взять, а почему отдашь?» – «Что вы, батюшка, – говорит, – с вас разве можно... вы так возьмите. Да нетто вы не узнаете меня?» Всматриваюсь: ба! Да это моя невеста беспаспортная-то. «Ну как, – говорю, – живете?» – «Слава Богу, – говорит, сама смеется, радостная такая, – сыночка, – говорит, – Бог дал». – «Ну что же, дай Бог счастья!» – «Спасибо, батюшка, а яблочков-то возьмите, уж не побрезгуйте». Тычет мне в руки все свои яблоки вместе с корзиной. Что делать? Взял. После всю дорогу почти всех пассажиров угощал ими...

– Ну вот, видите... а вы запивать стали. Бороться надо с горем, да Богу молитесь поусердней. Молитва бодрит человека, освежает его ум, а человек со свежими силами всегда себе выход найдет. У вас добрая душа, силы есть. Так не губите же себя и других. Ну, кажется, мы уже подъезжаем к городу. Скоро нам сходить... Я тоже в первый раз сюда еду. Недавно только получил назначение... Вот что – вы зайдите ко мне в городе, моя квартира будет рядом с кафедральным собором. Мы еще поговорим с вами. Может, что-нибудь и придумаем. А теперь пока прощайте. Надо собираться.

Батюшка встал, подал руку отцу Павлу и трижды облобызался с ним.

– Прощайте, – смущенно говорил отец Павел. – Спасибо вам за доброе слово, и простите меня... Я не знал, что вы такой...

– Бог простит, – улыбнулся батюшка и скрылся в каюте.

Пароход причаливал к пристани. Отец Павел завязал в узелок свои вещи и стал у сходов. Через несколько минут появился и батюшка. Он шел в сопровождении другого священника, на груди которого красовался наперсный крест. Протискавшись через толпу, оба батюшки взяли извозчика и покатали в город. Поплелся вслед за ними и отец Павел.

Глава вторая

Прошла неделя. Отец Павел все никак не мог собраться с духом, чтобы пойти со своей просьбой к архиерею. Из газетных известий он вычитал, что новый архипастырь уже приехал и вступил в управление епархией. «Каков-то он из себя? – с тревогой думал отец Павел. – Что, как не примет или скажет: поезжай, мол, туда, откуда приехал».

Наконец отца Павла осенила мысль предварительно расспросить кого-нибудь об архиерее. Он вспомнил, что в городе, где-то на окраине, служит священником его бывший товарищ по семинарии отец Герасим. Не разыскать ли его, да поговорить с ним. Вероятно, что-нибудь да знает про архиерея. И, заперши свою каморку на постоялом дворе, где он остановился, отец Павел пошел отыскивать своего бывшего товарища. Разыскать того батюшку, который познакомился с ним на пароходе, отцу Павлу помешала его природная застенчивость. «Правда, ласковый он, добрый такой и смиренный, – думал про батюшку отец Павел, – шляпу мою поднял... А я думал, что он гордец какой-нибудь; а все-таки городские они, как к нему пойдешь в гости-то, да еще в таком виде?» Отец Павел грустно поглядел на свою поношенную, порывшуюся рясу. Лучше уж к отцу Герасиму. Этот все-таки когда-то был свой человек.

Искать долго отца Герасима не пришлось. Как только отец Павел вышел на окраину города, первый же встречный, услышав имя отца Герасима, тотчас же указал улицу и его квартиру и даже любезно проводил его. Отец Павел заметил, что встречный как-то особенно любовно произносил имя отца Герасима.

– Вы не его ли прихожанин будете? – спросил он своего проводника, стараясь догадаться о причинах его уважительного отношения к отцу Герасиму.

– Нет... Я ничей... ночлежник... хулиган, как теперь еще нас зовут, а только отца Герасима здесь все знают. Пожалуйте, вон его квартира... До свидания.

«Ночлежник» повернулся, а отец Павел постучался в дверь указанной квартиры. Звонка он не нашел.

– Пожалуйте, кто там? – послышалось из-за двери. – Толкните дверь посильней, она не заперта.

Отец Павел толкнул дверь и сразу очутился в комнате. Быстро окинул ее взглядом и остановился в недоумении. Голые стены. Возле одной – кровать, возле другой – шкаф, сверху донизу наполненный какими-то склянками. Несколько деревянных стульев и возле окна простой письменный стол, заваленный книгами. За столом, сильно сгорбившись, с книгой в руках сидел отец Герасим. Он очень похудел и постарел. Отец Павел не сразу узнал в нем своего бывшего товарища. Увидев вошедшего священника, отец Герасим поднялся и приветливо заговорил:

– Пожалуйте, пожалуйста, милости прошу садиться. Батюшки! Да никак Павлуша... Это ты, голубчик... Какими судьбами?

Отец Павел не сразу нашелся что ответить. Товарищески обняв отца Герасима и трижды поцеловавшись с ним, он грузно опустился на стул и еще раз с недоумением осмотрел комнату. Глаза его чего-то искали.

– Ты что же это... Как это так... Что же это значит? – растерянно заговорил он наконец. – Неужели... – Отец Павел не закончил вопроса.

Отец Герасим догадался, о чем спрашивал его отец Павел. Грустная тень пробежала у него по лицу.

– Ты, вероятно, насчет моей холостяцкой квартиры? Думай дальше... Вывод правильный получишь. Эх, Павлуша, помнишь, еще в семинарии вы звали меня неудачником. Горе пророчили. Верно вышло. Одна радость была у меня, и ту схоронил... рядом с ней дочку

уложил. Теперь вот живу бобылем. Но зачем об этом? Зачем тревожить рану? Ты лучше о себе что-нибудь расскажи. Ведь сколько лет, сколько зим не видались. Да как ты в наш город-то попал? Да ты где служишь, как поживаешь? Есть жена, дети?

Отец Герасим сыпал вопросами, но отец Павел и не думал ему отвечать. Молча сидел он на стуле. Ему вспомнились слова батюшки на пароходе: «Носимся со своим горем и не думаем о том, что у другого, может быть, еще большее горе». Что значит его горе в сравнении с горем товарища. Он здоров, у него жена молодая, полная сил. А каким счастливым чувствовал он себя, когда, бывало, четверо детишек облепят его кругом, понасядут ему на колени. Взберутся на плечи – все такие здоровые, шаловливые. Ведь только жить бы да радоваться. Отец Герасим лишился всего этого, а живет же... И отцу Павлу стало вдруг стыдно за свое малодушие. Скомканно и уже не с тем одушевлением, с каким рассказывал он батюшке на пароходе, передал он свою историю отцу Герасиму.

– Ну, не унывай, – сказал отец Герасим, – дело поправимое. У нас теперь новый архиерей, довольно оригинальный и, кажется... многообещающий... Может, он и совсем с другой точки зрения посмотрит на твой поступок.

– А я вот, собственно, за этим и зашел к тебе: расспросить, каков он у вас?

– Как тебе сказать... Видал я его: ходил тоже в собор на встречу. Сразу не узнаешь человека. А только преоригинальный господин. Я этаких еще не видывал. Это какой-то неслыханный архиерей. Про «встречу»-то его и теперь еще сколько разговору по городу идет. Слышал, чать?

– Нет, не довелось: я ведь с недельку как приехал сюда.

– Да и он-то всего с недельку. Прошлую пятницу получили телеграмму, что едет, мол, на пароходе, завтра-де у вас будет. Собрались все наши отцы в собор. Облачились, люстру зажгли. Приготовились. Все как следует. И из публики кой-кто пришел. На пристань карета покатила. Расселись отцы в алтаре. Ждут-пождут, когда это на колокольне затрезвонят, а тем временем разговоры всякие промеж собой ведут, все больше про архиереев. Тут один батюшка-шутник анекдот еще какой-то рассказал, и так это у него смешно вышло, что протодиакон как стоял возле архиерейского кресла, так и грохнулся в него. Сидит хохочет: в правой руке кадило, а в левой – дикий. Тут уж все с протодиакона хохотать стали. За разговорами да за хохотом и не заметили, как в алтарь вошли двое каких-то батюшек, а может, кто и заметил, да внимания не обратил: мало ли заходит в алтарь чужих батюшек? Вошли батюшки чинно, помолились, приложились ко святому престолу: один, с наперсным крестом на груди, стал этак в сторонке, в руках жестяную коробку держит, в которой, знаешь, камилавки носят, а другой стал собор осматривать, оглядел алтарь, пошел дальше: тут боковая дверка есть в алтаре, за ней маленький коридорчик прямо в церковную сторожку ведет. Туда все, бывало, отцы покурить забегали, а так как архиерея пришлось ждать долго, то народу там перебивалось порядочно. Дым стоял коромыслом. Батюшка прошел прямо туда. Вдруг слышим, к собору карета подкатила, а трезвону нет. Что бы это значило? Глядим, идет кафедральный и прочие отцы, что ездили на пристань встречать владыку, и больше никого. «Нет, – говорит кафедральный, – не приехал. А я было страху набрался. Подъезжаем к пристани, а пароход уже стоит. На целый час раньше расписания пришел. Ну, думаю, беда: гляжу – никого. Я к капитану. “Никакого, – говорит, – архиерея не видал. Вероятно, в телеграмме что-нибудь напутали”». Столпились отцы в кучку, решают вопрос: как же быть? А в это время тот батюшка из алтарной дверки выходит и прямо к архиерейскому месту... стал на орлец и верхнюю рясу с себя снимает. Тут уже все обернулись на него. Снял батюшка рясу... глядь, а у него на груди панагия... Тут другой батюшка подошел к нему, открыл жестянку и подает ему клобук. Надел он клобук, перекрестился, благословил всех да и говорит: «Мир вам, отцы и братия! Спасибо, что потрудились, пришли сюда встретить меня». Стоят отцы и братия, глазами хлопают: больно уж неожиданно все это вышло. А владыка между тем

продолжает: «Было, – говорит, – мирное время на Руси, когда высоко чтилась святая вера православная, высоко чтились тогда и архиереи. На церковный трезвон сбегался весь народ с великою славою встретить своего архипастыря. Теперь не то: упало благочестие в народе, а интеллигенция наша и совсем отшатнулась от Церкви. Грядут дни великого испытания для верных чад Церкви, для ее пастырей и архипастырей. И не о славе теперь уже надо думать: наступило время, когда архиереям надо снять с себя митры золоченые, знаменующие славу Иисуса Христа, и надеть венцы терновые, ибо не славится, а больше хулится имя Господне среди народа. Смутные дни переживает Россия; везде волнения, увеличиваются грабежи, убийства, разбои. Тайна беззакония деется, растет и ширится с каждым днем, с каждым часом. Кому же и восстать на брань со злом, как не нам, пастыри словесного стада Христова! Ведь наша-то брань и есть именно борьба с властями и миродержателями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными. Дружно же возьмемся за тяжелый труд, братия. Впереди нас Сам Пастыреначальник Господь наш Иисус Христос. Его имейте всегда перед своими глазами. О Нем помните непрестанно: каждую минуту, каждую секунду. Говорю это к тому, что вот вы, например, собрались встретить архиерея, а про невидимого великого Архиерея и забыли. Здесь святой престол Его, а вы анекдоты всякие рассказываете. Здесь жилище Божие, присутствие чистой, таинственной благодати Христовой, а у вас по соседству смрадный дым табачный. Не в укоризну вам говорю сие горькое слово правды, а просто отмечаю факты, как часто отвлекаем свои взоры и мысли от Архиерея Небесного и устремляем их на архиерея земного. Много и других неурядиц у нас. Кто виноват в них? Не время теперь заниматься этим вопросом. Становитесь все – правые и виноватые – за святую работу, за возделывание нивы Божией. Вы посмотрите, что только делается здесь на этой ниве... Исполняются слова пророка Исаяи: *Бродят люди по земле жестоко угнетенные и голодные, во время голода злятся, хулят царя своего и Бога своего...*»¹ Много и долго говорил владыка. Хорошо говорил... Под конец попросил всех помолиться с ним перед началом его служения на новом месте... Тут только опомнились отцы, стали подходить под благословение, поздравлять с прибытием... Отслужили молебен. Разоблачился владыка, надел опять свою ряску да и марш с амвона. Тут к нему кафедральный с ключарем подскочили, на ступеньках подхватили его под руки, а он им: «Не беспокойтесь, – говорит, – я не беременный». Схватил сам одного да другого под руки и потащил их перед собой. «Ну, – говорит, – показывайте, где тут моя квартира, а вас всех, отцы и братия, прошу ко мне пожаловать в воскресенье вечером на чай...» Да, оригинальный архиерей... – закончил свой рассказ отец Герасим.

Немного погодя он снова начал:

– В прошлое воскресенье владыка служил в соборе. Нарочно сходил посмотреть на его служение. Хорошо служит. Голос у него такой сильный, звучный, так по собору эхом и раскатывается. Собой представительный, а в полном архиерейском облачении еще лучше выглядит. Как пойдет по собору кадить – любо смотреть. Осанка прямо царская... Завтра тоже он служит тут в монастыре. Сходи посмотри, если есть желание... – предложил отец Герасим своему гостю.

– Я и сам думал: прежде чем идти к архиерею с просьбой – взглянуть на него где-нибудь со стороны. У меня глаз на этот счет верный. Понравится – пойду, не понравится – не пойду: все равно толку никакого не будет.

Стук в дверь прервал разговор приятелей.

– Пожалуйте, кто там? – ответил на стук отец Герасим.

Дверь отворилась, и в нее просунулась всклокоченная голова какого-то оборванца.

– Батюшка, а вы обещали к нам зайти, так не забудьте.

¹ Ис. 8:21.

– Сейчас, сейчас, иду, – заторопился отец Герасим. – Ну, Павлуша, ты меня пока извини; я тут побегаю по одному дельцу. Ты ведь у меня ночуешь? Да ты где ж остановился? На постоялом? Зачем же? Ты переезжай ко мне... Сейчас же... Ладно? Поживем вместе, пока твое дело решится.

– Что ж, если позволишь, я с большим удовольствием, – согласился отец Павел. – Только я уж лучше после к тебе, а то сегодня ты, кажется, занят. Вот уже побываю у архиерея, тогда...

– Как хочешь. После так после, только приходи. Кстати сообщишь, что тебе скажет архиерей.

Товарищи распрощались. Отец Герасим ушел с ожидавшим его около двери оборванцем, а отец Павел направился к постоялому двору в свою каморку.

Глава третья

Только в первом часу ночи вернулся в свою одинокую квартирку отец Герасим, усталый и измученный. «Дельце», по которому он ушел, проводив отца Павла, ему не удалось «уладить». Слишком поздно позвали его. Федотыч (так звали оборванца), пригласивший к себе отца Герасима, ждал от него помощи своей умирающей жене. Звать доктора у него не было средств, да и зачем, когда он знал, что отец Герасим выхаживал иной раз больных лучше многих докторов. Вошедши в убогую каморку Федотыча, отец Герасим увидел, что с больной уже началась агония. Часа через полтора больной не стало. Перед отцом Герасимом остался растерянный Федотыч. Отец Герасим знал, что у Федотыча нет никого из знакомых, а потому, не теряя времени, снял с себя рясу, засучил рукава подрясника и, отыскав воды, стал обрывать покойницу. Через час, при помощи Федотыча, покойница была обрета и уложена на стол под образами.

– Не тужи, Федотыч, проживем и бобылями, – сказал отец Герасим и, оставив Федотыча одного со своей покойницей, ушел домой, назначив на завтра же отпевание.

Отцу Герасиму хотелось отдохнуть, но сон бежал от него. Встреча с отцом Павлом пробудила в нем жгучие воспоминания, и они – одно за другим – хлынули на него. Вся прожитая жизнь встала у него перед глазами. Вот пронеслись пред ним картины из его детства. Деревня. Воздух лесов и полей... Отец – священник... На улице дерутся пьяные мужики. Возле разодрались мальчишки. Из соседней хаты доносится нечеловеческий крик – то муж «учит» жену.

– Господи! И чего только людям недостает? Из-за чего дерутся? – вздыхает, стоя на крыльце батюшкиного дома, мать отца Герасима. И вздох ее неразрешимым вопросом врежется в голову подрастающего Гераськи, будущего отца Герасима. Этот вопрос мучит его в духовном училище, еще острее колет его сердце с переходом в семинарию, но только в пятом классе семинарии он, как показалось тогда ему, нашел на него ясный ответ: «Любви не хватало, любви к Богу и ближнему. Люди забыли Евангелие. Христиане отвергли Христа, продолжая называться Его именем». С этого момента юный и пылкий семинарист Герасим Иванович ни о чем больше не говорил, как только о любви. Любимым чтением его стали произведения, в которых выводились героями проповедники любви. С этого же момента он твердо решил пойти в священники и посвятить все свои силы проповеди мира и любви. Будущее место своего служения отец Герасим заранее представлял себе не иначе как в виде беднейшего сельского прихода в епархии.

Вскоре, однако, отец Герасим оставил свою мечту о служении в деревне. В городе он встретил людей, которые были несчастнее сельчан. То были обитатели разных ночлежек; им еще более доставало того, что думал нести Герасим Иванович своим сельчанам. Тут было сплошное царство злобы и тьмы. И вот он решает, что будет священником в городе, но только подальше от центральных богатых церквей. Там, где-нибудь на окраине города, где больше всего любит ютиться городская рвань.

Быстро промчались семинарские годы. Начальство прочило Герасима Ивановича в академию, но он отказался. Ему скорей хотелось добраться до дела.

И вот осуществилась наконец его мечта. Герасим Иванович стал отцом Герасимом, настоятелем одной из окраинных в городе церквей.

Пылко взялся отец Герасим за работу и сразу же весь ушел в нее. Полились из уст его горячие речи о Божией правде, о любви, о мире. И за обедней, и за вечерней, и за всякой службой раздавалась в церкви горячая проповедь красноречивого, талантливого и неутомимого проповедника. Слушатели отца Герасима были именно таковыми, каких он желал

иметь себе. О многих из них можно было сказать, что они утратили в себе не только образ Божий, но и обличье человека.

Слушателей было мало: приход по объему был велик, но «настоящих прихожан» почти не было. Большинство домишек, входивших в район прихода, населяла именно городская рвань, которая заходила в церковь только с целью укрыться от непогоды или найти какого-нибудь богомольца, от которого можно было поживиться копеечкой. Слушатели не шли к отцу Герасиму. Тогда отец Герасим сам пошел к ним. Он перенес центр своей проповеднической деятельности в самое гнездо, кишевшее отбросами общества, – в ночлежку и здесь с еще большей энергией принялся за проповедь евангельской любви. Целыми днями, напрягая все силы своей души и пользуясь самыми разнообразными средствами, старался он, не жалея своих мрачных красок, обрисовать своим слушателям гнусное царство отвратительной злобы, мучительной тьмы, омерзительного порока и резко противопоставлять ему во всем пленительном блеске светлое царство благодатного мира, радостной любви и святой правды.

Тяжел был труд на ниве Божией, но отец Герасим сеял сеял и сеял. Выходов, однако, никаких не показывалось. Его слушатели не стали лучше ни на волосок, в отношении же себя он ясно различал начинавшую зарождаться в слушателях беспричинную ненависть к себе. Дальше – хуже. Скоро отец Герасим увидел и факт явного издевательства над своей проповедью.

Как-то раз отец Герасим по хозяйственной надобности отправился в город вместе с матушкой. Дома не осталось никого. Возвратившись из города слишком поздно, отец Герасим нашел двери своей квартиры выломанными, а саму квартиру совершенно пустой. Воры вытащили все, что только можно было унести из квартиры. На окне была приклеена безграмотная записка: «Ты много говорил нам о святости. Святые люди ничего не имели. Мы захотели, чтоб и ты был святой».

Отец Герасим не опечалился происшедшим. Он только ужаснулся черствости человеческого сердца. Кое-как оправившись после погрома, отец Герасим принялся за свои беседы с двойной энергией. «Слишком каменистая почва, – думал он, – но не может быть, чтобы люди возненавидели свое собственное счастье, а ведь это счастье им может дать только Евангельское благовестие».

Вскоре, однако, последовал случай, который резко переменял направление деятельности отца Герасима.

Однажды, по обыкновению, отец Герасим зашел для собеседования в ночлежку. Среди обитателей ее на этот раз было особенно много пьяных. Отец Герасим остановился возле одного, лежавшего ничком на нарах в полубессознательном состоянии, в луже собственной блевотины, и, указывая на него другим, повел беседу против пьянства. Гневно и грозно клеймил он порок, пылко и красноречиво доказывал необходимость трезвости. Долго говорил отец Герасим. Молча слушали его ночлежники, тупо уставившись своими полусонными глазами на пьяного товарища. И только один из них, как бы проснувшись наконец и как-то бессмысленно ухмыльнувшись, процедил сквозь зубы: «Да он уже умер».

Отец Герасим сначала ничего не понял. «Кто умер?» – сорвался у него тревожный вопрос, и вдруг он понял...

Что-то оборвалось, упало, тяжело придавило сердце отца Герасима и острой болью бросилось ему в мозг. Растерянно стоял он возле трупа человека, над которым только что демонстрировал свою беседу, и с мучительной тоской глядел на него, смутно пытаясь постичь какую-то тайну, оставшуюся скрытой от него до сих пор.

Кто-то из ночлежников повернул труп на спину, чтобы дать ему положение покойника. Глаза были открыты, и покойник уставился на толпу мертвым взглядом. Сколько ужаса, страха, отчаяния и страдания было в этом застывшем взгляде! Отцу Герасиму приходилось

раньше хоронить умерших в пьяном виде, но ничего подобного он не наблюдал. Там смерть накладывала печать бессмыслия; тут же одна бесконечная мука. О ней говорили и судорожно сжатые костлявые руки, и страшно худая, впалая грудь, едва прикрытая лохмотьями, которые, как теперь только заметил отец Герасим, кишели насекомыми.

Отец Герасим оправил свесившиеся концы лохмотьев, чтобы прикрыть ими наготу. Нечаянно руки его коснулись голого тела и нащупали что-то липкое, грязное. Он приподнял лохмотья, и из-под них пахло на него зловонием. В это же время он увидел, что низ живота у покойника представляет собою одну сплошную язву, сочившуюся гноем.

С ужасом отдернул свои руки отец Герасим и помутившимся взглядом окинул ночлежников. И вдруг он увидел то, что оставалось для него сокрытым до сих пор. Он увидел печать всяких язв, скрывавшихся под лохмотьями ночлежников, и все эти ночлежники, босьяки, пьяницы, бродяги и хулиганы, все нищие, сколько их есть на свете, представились ему одной сплошной, изъеденной вшами зловонной язвой на теле человечества. «Господи! – застонал отец Герасим. – Что же я делал! Ведь не учить их надо, а мыть, чистить, скоблить, лечить...»

С этой поры отец Герасим замолк. Как стыдно стало ему за свои пылкие, красноречивые проповеди, в особенности за те, в которых он говорил о значении страданий на земле, развивая мысль об их душеспасительности. Вспоминая свою прошлую проповедническую деятельность, он невольно сравнивал себя с человеком, который, стоя на мосту, увидел в реке другого и стал говорить ему о пользе водолечения, не замечая того, что человек тот тонет и что не советы ему надо давать, а скорей бросать спасательный пояс или веревку.

Отец Герасим сжег все пособия к ведению всевозможных бесед и поучений, обложил себя всякими лечебниками и врачебными пособиями, записался вольнослушателем на медицинский факультет, устроил у себя дома аптечку и с тем же рвением, с каким вел раньше дело проповеди, взялся за лечение своих пасомых. В отношении ночлежников к отцу Герасиму произошла резкая перемена. Отца Герасима стали звать во все стороны. И во всех бедных домишках, в ночлежках, в разных притонах, где хоронилась городская нищета, он стал желанным гостем.

Дорого расплатился отец Герасим за свой новый порыв служения ближнему. Через месяц же, выхаживая одного тифозного, он сам заразился тифом. Крепкий организм его, однако, выдержал болезнь, но не выдержала матушка, сначала ухаживавшая за мужем, а потом и сама свалившаяся с ног. Схоронив жену, отец Герасим вскоре же снес на кладбище и единственную дочь.

Кровь павших в битве товарищей вселяет в бойцов новые силы к борьбе. Так же подействовала на отца Герасима смерть жены и дочери. Если и раньше его редко можно было видеть дома, то теперь отец Герасим заглядывал к себе лишь для того, чтобы взять лекарства да урвать у ночи несколько часов для сна. Он забросил не только свою квартиру, но и церковь. Скучным показалось ему стоять часами в церкви и тратить время на славословие Бога, когда там, за стенами храма, не слышными ни для кого стонами был наполнен весь воздух, когда каждая минута, каждая секунда нужна была для того, чтобы вырвать чье-либо здоровье или чью-либо жизнь из когтей смерти.

Часто, совершая каждение пред святыми иконами, отец Герасим чувствовал, как в сердце его поднималось чувство озлобления против этих безмолвных небожителей, которые казались ему такими равнодушными к той бездне клокотавшего людского горя, в самой середине которого стоял он, отец Герасим.

И вот все короче стал позванивать церковный колокол, все реже и реже отпирались церковные двери, и скоро светлые ризы на иконах в храме подернулись серым налетом пыли.

Отслужив посокращеннее церковную службу, отец Герасим спешил скорее к своим страдальцам. На лицах последних каждый раз при его появлении расцветала радость. Но не

было радости на сердце самого отца Герасима, наоборот, он чувствовал, что с каждым годом его собственная жизнь становится ему тяжелее.

Лечил отец Герасим с успехом, но там, где медицина оказывалась бессильной не только при его познаниях, но и в руках самых опытных врачей, отец Герасим бросал все лекарства и окружал больного такой лаской, таким теплом, что умиравшие страдальцы благословляли его не менее выздоравливающих.

Успех, однако, не радовал отца Герасима. Чем большую успешную помощь оказывал отец Герасим, тем больше и больше возрастал спрос на нее. Выздоровливал один – взамен его являлись трое. Выхватывал отец Герасим из нищеты одного – на место его являлось пятеро. Со своим горем, с болезнями со всех сторон пошли к отцу Герасиму люди волной, и начал чувствовать отец Герасим, что эта волна захлестнет скоро его самого. Шаг за шагом раскрывалась перед ним ширь необъятного моря людского горя, и, ища берегов этого моря, отец Герасим понял наконец, что оно безбрежно. Понял и ужаснулся. И от ужаса стали опускаться у него руки, сгорбилась спина, поседела голова.

Но еще больший ужас охватил отца Герасима, когда он взглянул на другую бездну, бездну человеческой испорченности. Раньше она ему видна была лишь своим краешком, той поверхностной точкой, которая видима глазу всякого человека. Теперь, открывая отцу Герасиму свои болезни и раны, люди раскрывали ему и свое сердце.

Боже! Каким нравственным зловонием пахло на отца Герасима, когда ему удалось приподнять лохмотья той невидимой одежды, которой прикрывали люди свои душевные язвы от взглядов посторонних. Теперь он знал, например, что эти нищенки-старушки, которых он называл своими заступницами перед Богом и которым раздавал свои копейки, собирали милостыньку не только для своего пропитания. Знал он, что из собранного они оставляли себе лишь часть, а на остальные покупали водки и разных лакомств для какого-нибудь бродяги, сойдясь с которым после «трудового» дня за принесенные лакомства и водку получали они от него удовлетворение своих пошлых страстишек. Узнал отец Герасим и о той роли, которую играли в ночлежках мальчишки-подростки, подманиваемые ночлежниками и за копейку укладывавшиеся вместе с ними под одну дерюгу. Узнал и много другого отец Герасим. Люди не щадили друг друга и вместе со своими грехами выкладывали перед ним и чужую грязь. Из рассказов падших созданий узнал отец Герасим всю гадость жизни среднего и даже высшего общества с ее обратной стороны и, узнав, почувствовал, как похолодело его сердце, оборвалась воля, заledenела душа.

Тяжелая свинцовая тяжесть навалилась на отца Герасима, и он уже не мог идти: он стал влачить свое существование в тупом ожидании, когда наконец эта тяжесть расплющит его совсем. И раньше мало водивший знакомств в городе, отец Герасим замкнулся теперь совершенно, изредка лишь показываясь по какому-нибудь особенному случаю.

Среди городского духовенства отец Герасим слыл за нечто вроде юродивого.

Раньше, когда силы еще не изменяли отцу Герасиму, он пытался звать себе на помощь отзывчивых людей, ездил несколько раз к архиерею, но его нервные, назойливые, больные речи только раздражали начальство. Теперь отец Герасим не ждал уже больше ниоткуда помощи.

Во внешнем своем поведении отец Герасим, впрочем, мало изменился. Так же продолжал он ходить за больными, возился с ночлежниками, лечил алкоголиков, обмывал, очищал зараженных, предавал земле распрощавшихся с жизнью, но все это он делал скорее в силу привычки, машинально. Никакой идеи он уже в это дело не вкладывал и скоро даже перестал давать себе отчет в своих поступках.

Протолкавшись весь день по «приходу», отец Герасим торопился к вечеру домой и тут спешил скорей забыться тяжелым сном, чтобы не дать возможности разгуляться своим думам. Последнее не всегда ему удавалось. В долгие зимние ночи, когда на улице начинала

вдруг разыгрываться страшная вьюга, холодный ветер, проникая в комнату, уносил из нее тепло, и отец Герасим просыпался от пронизывающего холода. И тогда он уже не мог заставить себя снова заснуть. Сон убегал, думы разгорались в голове. Свист ветра, завывание бури и непроглядная ночная тьма разжигали воображение. Все, что наполняло день отца Герасима, вставало вдруг перед ним, принимая различные образы. Больные, слепые, хромые, убогие, нищие, пьяные, живые и мертвые – мелькали перед ним человеческие облики бесконечной вереницей. Они стонали, рыдали, безумно смеялись, невыносимо смердели и вдруг, потеряв свои очертания, сливались в одну беспредельную, гнойную, смердящую язву, ту язву, которую отец Герасим впервые прозрел в ночлежном приюте в день, когда над трупом несчастного пьяницы поучал бродяг трезвости.

Язва ширилась, росла, принимала гигантские размеры, наползала на отца Герасима. И он вскакивал вдруг с постели, содрогаясь от ужаса. Отирая холодный пот с застывшего лба, метался он из угла в угол по комнате, пока рассвет наступавшего дня не разгонял ночной темноты и не прекращал его галлюцинаций.

Так потянулись дни за днями. Жизнь катила мимо отца Герасима. Он смотрел на нее взглядом зрителя, рассматривающего постоянно меняющиеся картины в панораме. Безучастно относился он даже к таким крупным событиям в жизни духовенства, как смена архиереев. По повестке благочинного являлся он в собор на встречу нового владыки, принимал от него, в числе других, благословение и, отбыв эту формальность, снова уходил в свой замкнутый круг.

Теперешний, вновь прибывший владыка, правда, резко отличался от своих предшественников, отец Герасим сразу увидел в нем необыкновенного человека, но... там, где на его вопли оставалось безответным Небо, что мог дать ему епископ?

Одно только интересовало отца Герасима: это участь его товарища отца Павла. Как бы то ни было, поступок последнего выходил из ряда обычных, и узнать о нем мнение нового архиерея было любопытно.

Отец Герасим стал ждать к себе отца Павла.

Глава четвертая

Гулко пронесли над проснувшимся городом первые удары соборного колокола. Радостно откликнулись на них с других колоколен. Загудели, зазвенели могучие звуки и, трепещущей могучей волной повисши в освежившемся ночным ветерком воздухе, далеким эхом раскатились по окрестностям города.

К церквам в разных направлениях потянулись богомольцы. Особенно много их шло по направлению к монастырю, где на этот раз служил архиерей.

Отцу Павлу пришлось пройти значительное расстояние, прежде чем добраться до монастыря. Когда он вошел в обширный монастырский собор, служба уже шла; приближалось время пресуществления Святых Даров. Народу было полно.

Пробравшись в самый перед, отец Павел стал против Царских врат, откуда лучше всего можно было увидеть архиерея и наблюдать за действиями в алтаре. Глаза его тотчас же устремились туда. Там, перед святым престолом, окруженным целым сонмом священнослужителей, буквально в облаках кадильного дыма стоял святитель.

Что сразу же бросилось в глаза отцу Павлу – это отсутствие всякой суетни, столь обычной при архиерейских служениях. Какая-то благоговейная тишина царила в алтаре. Величественная фигура святителя, казалось, застыла в молитвенном напряжении. Молча и неподвижно стояли священники, серьезные, глубоко сосредоточенные. Глаза их были устремлены на святой престол, уста шептали молитвы, во взоре выражалось чувство томительного ожидания. Казалось, что все священнодействующие ждали пришествия Кого-то Невидимого, и у всех у них была одна мысль, что это пришествие Невидимого зависит от степени их усиленного молитвенного призывания, и чем сильнее они будут призывать Его, тем ощутительнее Он явится им здесь, среди них, на этом именно святом престоле; и, наоборот, если ослабнет внимание и напряжение их духовных сил, устремившихся незримыми токами через видимое небо к Невидимому Богу, – оборвется обратный ток Христовой благодати, и останется небо без ответа, а они уйдут от святого престола неудовлетворенные и смущенные, и нельзя будет им смелыми и ясными глазами взглянуть на эту толпу молящихся, собравшуюся в надежде получения благодати и оставшуюся обманутой, благодаря бессилию их, духовных своих посредников между небом и землей.

Священный трепет охватил отца Павла. Невольно вспомнились ему рассказы палестинских путешественников о нисхождении святого огня в Великую Субботу у Гроба Господня. Вот многотысячная толпа паломников многих национальностей наполнила храм. Все с напряжением ждут таинственного момента. Взоры всех обращены на Патриарха. Медленно тянется время, но близится торжественный момент. Толпа то зашумит, всколыхнется, то снова замрет в ожидании. С полным сознанием лежащей на нем ответственности идет Патриарх в часовню Гроба Господня. Здесь перед мраморной доской, лежащей на месте, где лежало Тело Иисусово, падает он ниц, в горячей молитве умоляя Господа о ниспослании огня. Проходит в томлении минута... одна... другая... третья... огня нет. В храме слышится гул. Сначала тихий и робкий, растет он затем все шире и выше и наконец тяжелой волной сердитого рокота долетает до слуха святителя. Хорошо знает святитель, что означает этот гул. Это ропот толпы, недовольной слабостью молитвы святителя. Если не будет огня, обманутая в своем ожидании толпа растерзает его живого. И в смертной тоске он снова и снова простирается ниц на холодном полу, напрягает последние силы и весь уходит в молитву. Холодный пот выступает у него на лбу. Вдруг маленькая искорка, за ней другая, третья засверкали над доской. Радостный, подымается с полу святитель, спешит зажечь от них пук свечей и торжествующе выносит его народу. Ликует толпа, хватается огонь, целует

руки, ноги, одежду святителя, а он, изможденный и крайне усталый, исполнив свой долг, спешит удалиться.

Отцу Павлу, смотревшему на владыку, не случайно пришла в голову мысль сравнить его с Иерусалимским Патриархом. Владыка, казалось, действительно находился в том же томлении духа. С той же тревогой ожидал он наступления момента пресуществления Святых Даров и молил Господа о нисхождении на них Святого Духа. Молитвенное напряжение святителя сказывалось в его голосе и в тех ударах, с которыми он произносил положенные по служебнику возгласы.

Чувство недоумения охватило отца Павла, когда он прислушался к голосу владыки. Странно, голос этот показался ему знакомым. Но напрасно отец Павел напрягал свою память: он никак не мог вспомнить, где именно он слышал этот голос и кому он принадлежал. С живейшим нетерпением стал он ожидать, когда владыка обернется лицом к народу...

Кончился момент пресуществления Святых Даров. «Аминь. Аминь. Аминь», – раскатился по алтарю радостный вздох протодиакона, и все священнодействовавшие, осенив себя крестным знамением, в порыве сердечного благодарения Богу пали ниц перед Его святым престолом.

По ходу службы отец Павел знал, что еще два-три возгласа – и владыка обернется к народу преподать ему благословение. Он нетерпеливо подвинулся вперед и, сам не замечая того, отстранил рукой стоящую впереди его какую-то даму, огромная шляпа которой мешала ему видеть Царские врата. Дама обернулась, что-то обидчиво заговорила, но отец Павел не успел расслышать: в это время в Царских вратах показалась фигура архиерея с лицом, обращенным к народу. Быстро вскинул на него глаза отец Павел и... остолбенел. Перед ним в архиерейском облачении, с митрой на голове стоял пароходский «батюшка».

Мысли спутались в голове отца Павла. Внутри у него как будто что-то вспыхнуло, закружилось, завертелось и разлилось по лицу жгучей краской стыда. Инстинктивно он подался назад, стараясь скрыться в толпе народа, чтобы не попасть на глаза архиерею. Но владыка, казалось, не заметил никого. Окинув быстрым взглядом толпу, он тотчас же поднял свои глаза к небу и, преподав народу благословение, удалился в алтарь.

– Господи! Что я наделал?! Что я наделал?! – прошептал почти вслух отец Павел. – Ведь это я ему предложил водочки-то.

Кое-как дослушал он обедню и, не дожидаясь расхода молящихся, быстро направился к выходу, порешив в уме в тот же день выехать из города.

– Батюшка, а батюшка! – послышалось сзади отца Павла. Он обернулся и увидел догнавшего его стихарщика. – Владыка приказал вам сказать, чтобы вы пришли к нему в следующее воскресенье, вечером непременно...

«Ну, пропал я, – подумал отец Павел, – заметил...»

Выходившая из церкви толпа оттеснила отца Павла, затолкала, подхватила и вынесла за монастырскую стену.

Владыка остался осматривать монастырь. Этот монастырь известен был своей чудотворной иконой, к которой стекались богомольцы почти со всех концов России. В золотой ризе, сплошь усыпанной драгоценными камнями, стоимость которых исчислялась сотнями тысяч рублей, эта икона стояла на самом видном месте храма монастырского и составляла его главную святыню и единственную славу крупнейшего монастыря. Незадолго до прибытия в епархию нового владыки икона была украдена. Ахнули православные, услыхав об этом небывалом еще в истории России кощунственном святотатстве. Розыски не привели ни к чему. Икона погибла для монастыря безвозвратно.

Много обвинений посыпалось на монастырскую братию за то, что не смогли уберечь святыню. Доля правды была в этих обвинениях. Монастырь был огорожен высокой каменной стеной, перелезть через которую не пришло бы в голову ни одному вору, но в одном

месте, где монастырь соприкасался с частным владением, вместо каменной стены протянулся низенький дощатый заборчик. Отсюда, видно, не ожидали никакой опасности. Через это-то место и забрались воры. Этим же путем унесли они икону.

Русский человек задним умом крепок. Только после похищения святыни пришла монахам мысль обезопасить это место: протянуть и здесь тоже каменную стену. Мысль эта была приведена в исполнение с большим усердием, и теперь на месте прежнего деревянного заборчика высилась огромная каменная стена, через которую, действительно, и ворону страшно было перелететь. Отец игумен справедливо гордился этой постройкой. К ней-то он и повел владыку, в надежде, что архипастырь по достоинству оценит его труды. Но в этом ему пришлось разочароваться. Владыка внимательно осмотрел стену, покачал головой, услышав, каких денег она стоила, и вдруг, остановившись, круто повернулся к сопровождавшей его монастырской братии:

– Ну что ж? Вот вы построили стену и думаете, что защитились от воров? Напрасно: воров вам не перехитрить, устанете. От воров можно было спастись стенами да запорами в старину, когда разбойничали только на больших дорогах, в темном лесу, в полуночное время, когда разбойника или вора можно было узнать даже по наружности. Теперь не то. Сами вы знаете, что воров расплодилось теперь столько, что не хватит рук переловить их всех. Хотите обезопасить себя от воров? Не собирайте сокровищ, которые воры крадут. Если бы оставался чудотворный образ в виде, каким явил его Господь, едва ли пришло кому-нибудь в голову украсть его... Обложили его золотом, усыпали его драгоценными камнями... А кому нужны они? Кому нужны были, тот и взял их. Вам ли напоминать, что «Господь не от рук человеческих угождения приемлет, требуя что...». Народ этим выражает свою благодарность, свое служение Богу. Иной ведь больше ничем не может послужить Господу, как только именем своим. И с радостью несет он его в монастырь... Да будет благословен его дар... *но милости хочу, а не жертвы*². Не на вас ли лежит священная обязанность очищать людские жертвы? Не всякая копейка, принесенная в монастырь, чиста; от иной смердит грехом, а от которой и кровью пахнет. Очищайте же всякое серебро и золото, приносимое сюда, расплавляя и перегоняя его через горнило вашего благочестия. Все приносимое в монастырь должно служить лишь подставкой для того светильника, о котором сказано в Евангелии, что его не ставят под спуд. А ведь этот светильник несколько не будет ярче гореть от того, что дом, в котором он стоит, обложите вы золотом и изнутри, и снаружи. Светильник разгорится ярче тогда, когда вы вольете масла, елей. Только на елей и в елей должны вы обращать те денежные и прочие приношения, которые поступают в монастырь. Вы хорошо понимаете, о каком елее я веду речь. Побольше этого елей, и тогда ярко разгорится тот свет, о котором сказано: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят...*³

Как дальше? – обратился вдруг владыка к одному монаху, по всей вероятности, страдавшему ожирением. Не ожидавший такого внезапного вопроса монах смутился и не мог продолжить приведенного евангельского текста.

Владыка улыбнулся и, повернувшись, пошел дальше продолжать осмотр монастыря. Ему хотелось взглянуть на монастырские пещеры, прорытые под землею еще первыми основоположниками монастыря. Это был целый подземный монастырь. Темные кельи и разветвленные по всем направлениям ходы со множеством изгибов и пересечений представляли собою целый лабиринт, выбраться из которого без проводника было немыслимо. Сюда-то удалялись в затвор первые подвижники. Тут они проводили дни и ночи в молитве, обуздывая похоть плоти рытьем первых келий и новых ходов.

² Ос. 6:6.

³ Мф. 5:16.

Теперь в пещерах никто не жил. Они существовали лишь как достопримечательность монастыря, которую показывали богомольцам. В кельях стояли только иконы, возле которых приделаны были кружки, куда богомольцы опускали свои копеечки.

Богомольцам, желавшим взглянуть на пещеры, почти при самом входе становилось жутко; с некоторыми дамами делались обмороки. Побывавшие в пещерах говорили, что теперь они могут составить себе понятие о чувствах заживо погребенных. Становилось жутко, несмотря на проводника и толпу богомольцев, ходивших обычно по пещерам с зажженными свечами... Что же испытывали основатели этих пещер, работавшие здесь в одиночку при тусклом свете лучины?..

В глубоком молчании осматривал владыка пещеры. На одном из поворотов он остановился и спросил отца игумена:

– Сколько лет существуют здесь пещеры?

– Более ста лет, ваше преосвященство.

– И за сто лет, – задумчиво проговорил владыка, – не нашлось ни одного монаха, который, по примеру этих отцов, хоть на вершок бы покопал далее...

При выходе из пещер владыка обратил внимание на тяжелые железные вериги, висевшие на стене, оставшиеся от первых подвижников. Верики представляли собой тяжелые, почти пудовые обручи, замыкавшиеся на замок.

– Вот, – обратился к монахам архиерей, – вот какими запорами вам надо защищаться от воров, вот какими стенами, – владыка показал на пещеры, – нужно загораживаться от них...

– Ну, где уж нам... – простодушно ответил владыке один из монахов.

– А тогда зачем же вы здесь? – сказал владыка и молча вопросительно уставился глазами на многочисленную монастырскую братию.

Молча стояли монахи. Молча поклонился им архиерей и, не сказав больше ни слова, уехал из монастыря.

Глава пятая

Приближавшийся полдень душил горожан летним зноем. Кто только мог, прятался в прохладном месте; но в самый полдень набежала с юга грозовая туча. Блеснула молния. Прогремел гром, и хлынувший сразу, как из ведра, теплый летний дождь живо омыл запылившиеся дома, полил раскалившиеся улицы, очистил пыль с деревьев и через несколько минут представил город во всем его праздничном наряде. Ветерок умчал тучки, и светлое солнышко заиграло вечерними лучами, обдавая лаской и прозрачную синеву неба, и необъятную ширь отдохнувшей земли.

Всех потянуло из душных комнат на вольный воздух.

Около Вознесенской церкви, в небольшом садике, облежавшем квартиру настоятеля, собрался кружок гостей попить чаю под открытым небом. Большинство составляли учащиеся средних учебных заведений. Был тут и родственник отца настоятеля – молодой и пылкий юноша Сергей Димитриевич Алешин, студент Духовной академии. По небольшой аллее садика прохаживались приятели хозяина – отец Владимир и отец Зосима. В укромном уголке сада под тенистым деревом стоял большой стол, покрытый белой скатертью. Хозяйка-матушка сидела за одним концом стола возле большого самовара и приготавливала гостям чай. На другом конце стола примостился сам хозяин, настоятель церкви отец Григорий. С одной стороны его, развалившись на удобном кресле, сидел доктор, старинный друг и товарищ, а с другой – местный купец-татарин Садулла Мирзабекович Абдурахманов, тоже приятель отца Григория, уважавший его не только как постоянного покупателя, но и как хорошего соседа.

Чай скоро был приготовлен, и матушка попросила всех гостей к столу. Отец Владимир с отцом Зосимой присоединились к компании отца Григория. Молодежь образовала свой кружок. Завязался общий разговор, сначала про погоду, но вскоре же перешли на злободневные вопросы: заговорили про прибывшего владыку.

– Ну как ваше мнение, отец Григорий, о нашем новом архипастыре? – обратился отец Владимир к хозяину.

– Что ж вы его спрашиваете, – заметил доктор, – известно, будет хвалить. Ведь, если судить по рассказам, это воплощение его идеала. А помните, – обратился он к отцу Григорию, – вы передавали мне его первую речь к духовенству, мысли-то у него те, что и вы изволите проводить в своих проповедях.

– Да, вы не ошиблись, – восторженно начал отец Григорий, – я в восхищении от нашего нового владыки. По всему видно, что это человек искренний, горячо верующий в Евангелие и уж во всяком случае не бюрократ. От него веет чем-то апостольским. Вот если бы больше таких архипастырей было, то, может быть, нам не пришлось бы переживать такой упадок религии в русском обществе. Мне думается, что наш новый владыка сумеет поставить духовенство на должную высоту и через то сильно поднимет религиозный дух в нашем обществе и снова возвратит в Церковь давно уже отпавшую от Церкви интеллигенцию.

– Эх, куда хватили... Вот действительно в чем я вас, отец Григорий, никак не могу понять, – закипятился доктор. – По-вашему выходит, что интеллигенция ушла из Церкви из-за попов. Помнится мне, вы и в проповеди своей как-то раз объясняли ненависть интеллигенции к Церкви тем, что духовное сословие преследует не Божии цели, а свои, узкословные. Полноте, отец Григорий! Слишком вы плохого мнения об интеллигенции. Неужели вы думаете, что она не может отделить в понятии о Церкви существенное от случайного: истинной Церкви – от попов-обирал, учение Христа – от проповеди какого-нибудь батюшки, наполненной богословской отсебятиной? Ведь не бросила же она, например, литературы из-за того, что в ней развелись всякие нечистоплотные бумагомаратели. Нет, здесь корень глубже лежит. Человечество перешагнуло уже за пределы того возраста, который может еще

верить. Оно созрело. Разум вступил в свои права. Человечество вкусило от древа познания и больше уже не откажется от него. Слишком дороги для него данные, добытые знанием. Наука еще не сказала последнего слова, а если и есть голоса, говорящие о ее банкротстве, то ведь это только умственные трусы или ослабевшие умы, которым не под силу тяжелая работа знания. Как бы то ни было, а даже и то небольшое, что добыто знанием как нечто положительное, дороже человечеству, чем те богатые и беспредельные сокровища всяких богословских и метафизических туманов, преподносимых ему религией. Наука и вера, религия и разум до сих пор остаются непримиримыми, несмотря на все попытки примирить их. И будущее принадлежит, конечно, науке, знанию, а не вере, потому что человечество, по русской пословице, всегда предпочтет иметь лучше синицу в руках, чем орла в небе... А стало быть, настоящую интеллигенцию, истинных людей науки не только ваш новый архиерей, но и сам Иоанн Златоуст не заманит больше в Церковь.

– Нет, в этом я с вами, доктор, не согласен, – возразил отец Григорий. – Вот вы вступились за интеллигенцию, говорите, что она умеет отделить существенное от неважного, а между тем сейчас сами смешали в религии существенное со случайным, преходящим. Вы говорите, что религия отжила свой век. Неправда, отжить свой век может та или другая форма богопочитания. Существенное всегда остается. Отжило свой век еврейство, сменило его христианство. Религия всегда была, есть и будет. Что касается христианства, то про него уж никоим образом нельзя сказать, что оно отжило свой век. Оно есть проповедь о Царстве Божием, а всю глубину и ширь Царства Божия еще далеко не вместило в себя человечество. Христова правда, глубина и ширь Царства Божия беспредельны. Никакое время не может сказать, что оно уже всю правду Христову раскрыло...

– Так вот вы и раскройте сначала «всю правду Христову», если, по-вашему, ее не раскрыл всю Сам Христос и Его апостолы, а тогда уж и преподнесите ее человечеству. Увидит оно «всю правду» – может быть, и поймет что-нибудь и примет ее, а теперь пока из того, что открыто или «раскрыто» до сих пор, еще ничего не может переварить человеческий разум. Понятна ему только одна мораль христианская...

– Но позвольте, – вмешался в разговор отец Владимир, – если разум человеческий не может принять истины христианства во всей их полноте теперь, то ведь это не значит, что он их и никогда не примет, никогда не поймет... Разум прогрессирует, знание расширяется, наука обогащается новыми опытами... А до тех пор извольте все принимать на веру... Ходите в церковь, ставьте свечи... отбивайте поклоны и смотрите уповательно на батюшку, отпустит или не отпустит он вам ваши грехи, то есть впустит или не впустит на том свете в рай.

– Ну вот, вы опять смешали в религии существенное со второстепенным, – заметил отец Григорий. – Нужно иметь в виду сущность христианства, а не обрядовую его сторону.

– А вы представьте себе, что я до сих пор не могу никак решить вопроса: в чем же, в самом деле, заключается сущность, во-первых, христианства вообще, а во-вторых, Православия в частности.

– А это вот у кого надо спросить, – прервала вдруг разговор матушка и приветливо закивала головой по направлению к калитке сада. Оттуда не спеша, важной походкой приближался к сидевшим за столом Павел Иванович Юланов, профессор Духовной академии, известный в богословской науке своими многотомными трудами, любивший зайти в часы досуга к отцу Григорию попить чайку и побеседовать.

– Павел Иванович! Здравствуйте. Милости просим, – заговорил отец Григорий, подымаясь навстречу гостю. – Как кстати вы пожаловали...

– Здравствуйте, здравствуйте, отцы святые, – не теряя важной осанки, раскланивался Павел Иванович, подавая батюшкам свою мягкую, пухлую руку.

– А у нас тут как раз разговор завязался по вашей специальности, – обратился к профессору доктор. – Заговорили о причинах отпадения интеллигенции от Церкви, от религии. Отец Григорий, видите ли, всю вину сваливает на «попов». По его словам выходит, что стоит только духовенству заговорить живым искренним словом, взяться за живое Божие служение, и все наладится как нельзя лучше. Кит Китычи раздадут свои имения неимущим, министры будут целоваться с лакеями, студенты ставить свечи перед иконами, а театральные этуали и прима-балерины – крестить на ночь своих поклонников и благочестиво наставлять их в честном жительстве со своими законными супружницами... Нет, уж что ни говорите, отец Григорий, а одной искренности тут мало. Вспомните историю моего младшего брата. Честный, бескорыстный, добрый до готовности отдать последнюю рубашку. Запил, не знаю отчего, может, и наследственность тут сказалась, и запил запоем. Я ли не убеждал его бросить этот порок? Мои ли слова не искренни были? И говорил я ему, и писал, писал «кровью своей собственной груди», выражаясь языком одного вашего епископа, требующего того же от духовенства в отношении писания проповедей. Правда, слова подействовали: бедняга перестал пить и через неделю повесился. Вот вам и искренность проповеди.

– Но вы, доктор, слишком узко меня понимаете, – возразил отец Григорий. – Я не только говорю о проповеди, о научении, но и о том, чтобы действительно дать людям то благо, которое заключается в христианстве.

– Так вот и будьте добры, покажите-ка мне это благо. Что в самом деле существенного дало и дает христианство человечеству?

– За христианством много заслуг, доктор, – откликнулся отец Владимир. – Я укажу вкратце на главные. Христианство, во-первых, обновило семью, превратив женщину из рабыни в помощницу мужа и признав за ней полное человеческое достоинство и равноправность с мужчиной; даровало, во-вторых, человеческие права детям. Вам известно, конечно, что раньше отцы имели право продавать своих детей в рабство. Затем христианство преобразовало отношения господ и рабов, сначала смягчив и окончательно уничтожив рабство и крепостничество. Изменило, далее, взгляд на труд, сняв с него пятно позора; породило общественную жизнь, выдвинув на первый план заповедь о любви к Богу и ближнему, то есть ко всем людям. Смягчило законодательство, вообще сильно облагородило человечество. Влияние христианства особенно очевидно в тех преобразованиях, которые произошли в области личной морали. Выработался новый тип человека. Есть человек-христианин с христианскими чувствами, настроением и волею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.